

ЗА КУЛИСАМИ ПРАЗДНИКА

Сегодня одновременно на двух специализированных площадках Челябинска — театра оперы и балета и драматического — начинаются гастроли Московского драматического театра на Малой Бронной. По просьбе редакции «Челябинского рабочего» корреспондент «Литературной газеты» Григорий Цитриник в канун гастрольной поездки в театр на Малой Бронной. Предлагаем вниманию читателей его рассказы об одном дне театра.

«Двор полон контейнеров с пиджаками по графурету «Челябинск». Пятнадцать спектаклей уже уехали, — говорит директор театра Илья Кокин, — это означает: декорации и костюмы пиджаков спектаклей уже отправлены в Челябинск. Но пока сохраняется тот двухтактный ритм: репетиция — спектакль, в котором от века движется театр. Вот и сегодняшний день начинается, конечно, с репетиции».

3-й этаж. Репетиционный зал. Слева от входа в глубине, по углам — две черные ширмы на две створки; актеры скрываются за ними в паузах. Справа вдоль стены — стулья в маленький столик. А в центре зала несколько артистов в шутковом проговаривают текст горьковских «Варваров». Именно проговаривают: наскоро, шлополако, без выражения. «По-настоющему» играет одна Людмила Богданова, поскольку в репетиционном зале на третьем этаже сегодня происходит то, что на театральном языке обозначается как «ввод в спектакль».

Богданову и вводит в роль Богоевский. В Челябинске состоится этот ее дебют. Любопытно заметить, что и начинала Людмила Богданова в Челябинске — в 1941 году здесь работала Малый театр, и великая русская актриса Вера Николаевна Пашенная, принимая способную девочку, стала ее учить.

Главный режиссер театра Александр Дунаев сидит за столиком, слушает, не останавливая репетиции. Наконец, все слова пьесы сказаны. Актеры, стараясь не в центре зала, молча смотрят на Дунаева. Тот говорит:

«Мне нужны Люда, Оля, Анна. Остальные свободны. Людмила Богданова, Ольга Остроумова и Анна Камешкова остаются. Опыт Богданова-Богоевского раскладывает пазлы».

— Перед грозой вы испытываете опущение натугоности? — спрашивает режиссер. — Так и здесь. Для чего пазлы? Чтобы уйти в себя, собраться. Что-то спрашивает, отвечает, а главное — Дунаев подмывает к Богдановой и постукал по картам на столике. — Тут идет нагнетание: что-то должно случиться...

Репетиция продолжается еще с полчаса, а когда она заканчивается, Остроумова говорит:

Сейчас вы трактуете иначе, Александр Леонидович. Я ведь помню, как вы объясняли, когда ставили спектакль.

— Когда было! — смеется Дунаев. — Я с тех пор вырос...

Здесь самое время предупредить, что в продолжение всего дня я задавал актерам,

которых встречал, два вопроса: «За что вы любите свой театр?» и «Чем вы заняты во время пауз в театральном рабочем?» По ходу дела, не повторяя вопросов бланк-интервью, я буду приводить лишь ответы. Вот первые:

Людмила Богданова. 1. За то, что при всех сложностях театральной жизни он имеет одно большое достоинство: никому не дает успокоиться. 2. Репетиции... Думать в искусстве всегда плохо.

Анна Камешкова. 1. За то, что это редкий, тонкий театр. Мне в нем пошелло: с самого начала я имела много работы в разных режиссерах в разных пьесах. 2. Съемками. Сейчас, например, снимаюсь в пестерийском телефильме «Сокровища» по сценарию И. Дворецкого.

Ольга Остроумова. 1. За то, что это театр. 2. Паузы очень нужны, чтоб можно было подумать, что ты делаешь. В паузах иногда снимаюсь. Конечно, чтобы. Вырываюсь в театры, чтобы посмотреть работы интересующих меня режиссеров, актеров, иногда даже — художников.

...А из подвала доносится крик петуха. Нет, это не фоновый: по штабелю досок в старом доме раскладывали замшелый красвец с ярко-красным грешком. На верстаке притулилась холста — ей-то и предназначена серенада. Но не следует думать, что театр заволакивает, белоснежный Петя с подругой жизни — полноправные участники спектакля «Дорога» и горюар за выступления получают отборным шепотом. «Пропускай» же их здесь, в старом доме, где могут сделать все — от прозачески стульев современного ширпотреба до сказочного замка. Волшебника Изумрудного города.

Другая этажика выше расположен декор бутафория, где тоже можно сделать все. Нужны рота архара, занесенного в Красную книгу? Пожалуйста. Требуется скульптура работы древнего грека Фидия? Извольте. На сцене должна быть Сестинская капледа, расплывшаяся Микеланджело Буонаротти? Нет проблем.

— А ремонт у себя дома вы сами делаете? — спросил я. — Что вы! — замалали руками бутафоры. — Времени нет — мастеров приглашаем! Есть еще много производственных цехов в театре, во всем «кого не видит зритель» чересчур обширна — в этой статье ее не поднимать...

Юрия Катия-Ярцев. 1. За то, что у него 31 год в нем. 2. Актрисой работать можно не может заметить, поэтому хорошо, что существуют кино и телевидение. Ну, и уже традиция лет проноду в Шукшинском училище...

Семён Соколовский. 1. Я — один из тех, кто тридцать лет назад открывал театр — еще на Спартанской улице. С тех пор — с небольшими перерывами — в нем. 2. Когда есть возможность — работа в кино, на телевидении. Концерты. А еще на улицах люблю смотреть на людей, гуляющих с собаками. Но актер заводит собаку трудно...

Зрительный зал театра. Прогон спектакля по новой пьесе А. Арбузова «Воспоминания» в постановке А. Эфроса. В десертном ряду совершенно пустого зала сидят Эфрос, за ним — Арбузов. Изредка перешептываются, смеются, хмурятся, глядя на сцену. А там — драма: муж (артист О. Вавилов) уходит от жены (О. Яковлева). Режиссер молчит все первое действие, потом говорит: «Перерыв десять минут», — и уходит.

Ольга Яковлева. 1. За то, что, с одной стороны, он верит себе, а с другой, что и я, может быть, и лезвием для зрительского эксперимента. 2. За последние два года паузы, к счастью, нет...

Олег Вавилов. 1. За те роли, которые я имею возможность играть. 2. За актеров и режиссеров, которые здесь работают. 3. Съемками в кино, на телевидении. И еще мне нравится работать на радио. Например, с таким режиссером, как Алексей Баталов в «Бедных людях» Достоевского.

Через десять минут все повторяется: актер пьесы и постановщик спектакля перешептываются, смеются, хмурятся, только после финала доносят: «Спасибо! До завтра».

«А разбор будет?» — спрашиваю я. «А разбор не будет», — вежливо отвечает режиссер и улыбается. — Так что писать вам, К сожалению, не о чем. Но Анатолий Васильевич описывает: это сегодня он был молчалив и недальким, а ведь я бывал на репетициях, где Эфрос и говорил не так мало, и двигался ничуть не меньше своих актеров. И хотя арбузовское «Воспоминание» нынче не помогло, у меня есть собственные воспоминания — хотя бы о том, как три года назад шла репетиция пьесы Дворецкого «Вера» в лесу.

— На репетициях Эфрос не сидит на одном месте: актеры широким, а он уходит в зал и смотрит оттуда, то выходит на сцену и застывает у портала, стучу руки в карманы джинсов. Вообще, кто привык видеть постановщика за режиссерским столиком, будет разочарован: у Эфроса его нет.

— Правда, столика нет, —

скажет потом Анатолий Васильевич. — Эту репетиционную систему я получаю, еще будучи студентом, от М. О. Кнебеля...

Актеры сыграли эпизод и ушли за кулисы. Эфрос один на сцене — переставляет стулья и табуреты то так, то сик. Потом сходит в зрительский зал, смотрит издали, возвращается, опять переставляет и на этот раз остается доволен.

— Сейчас текст не говорить, — бросает он, — просто без выражения проговаривать. Быстро, без лишних оценок, а я далеко скажу, что только общую картину посмотрите. — И в самом деле, сидит далеко в амфитеатре.

— Кажется, у Станиславского, — объяснит он потом, — есть такая мысль: для проверки, правильно ли неправилно идет действие, надо поставить толстое стекло между зрителем и актером, и если будет понятно, о чем идет речь, значит, все верно. Потому что часто только через слова мы можем разоборать, что происходит на сцене. Но это не театр, а литература.

Иногда Эфрос заменяет на репетициях актеров и берет за них, объясняет в лоб, делает предложения, страстно борется за сохранение экологического баланса, суетится, развывая «водку» по стаканам, бегает чокаться...

— Хотя я никогда не был актером, но знаю, что одно из моих хороших профессиональных качеств — способность к показу. Подсказку через показ. Только я показываю не характер, а линию поведения...

А на третьем этаже Александр Дунаев репетирует пьесу «Волки и овцы». Посреди небольшой комнаты — длинный стол, за которым сидят артисты, занятые в старинной пьесе. Перед каждым — свой текст. Это так называемый застойный период, когда-то открытый МКХТОМ: А. Антонович, А. Дмитриева и другие читают свои роли, споря о запятых и ударениях, только еще примериваясь к персонажам, присматриваясь к ним, находя вместе с режиссером и биографией действующих лиц, и характеры, и еще много, что в сумме когда-то даст спектакль. Впрочем, нет, верно, ничего небольшого и труднее описаний застойного периода репетиции.

Анна Антонович-Лукинина. 1. Это моя жизнь в течение уже двадцати лет. Другой жизни у меня нет. 2. Ой, паузы, к сожалению, иногда бывают очень болезненными. У меня много личных забот: я, конечно,

прнимаю участие во всем, что делается в памяти о моем покойном муже — поэте Михаиле Кузьмиче Луконине. Вот и на двух ед под Горького, где спускают на воду теплоход «Михаил Луконин». И Анюте лет еще одиннадцатых...

Антонина Дмитриева. 1. Впервые, за то, что он, когда я в него пришла, отвечал вежливым временем и, надеюсь, таким и останется. Во-вторых, за демократичность. Это значит вот что: если я приду к главному режиссеру с какой-то предложением и оно ему понравится, то я смогу его осуществить. Так, между прочим, появилась мой монолог-спектакль «Впервые замужем» по П. Нинапу, поставленный В. Портыловым. 2. Только не износима, потому что в кино я чувствую себя петухом, которую режиссер не переставляет, как захочет. В этом году попросила даже преподавать в Шукшинское училище — хоть какое-то творчество, правда!

А вечером — «Человек со стороны». Девять лет назад пьеса И. Дворецкого впервые на советской сцене была поставлена А. Эфросом. В преддверии XXVI съезда КПСС режиссер не возобновил, а поставил спектакль заново, и те, кто видел его в 1972 году, могут убедиться в справедливости слова «заново». Вот, например, первоклассная актерская работа Аркадия Песелева в роли начальника бюро технического контроля Пухова — персонажа второстепенного. Но присмотритесь к нему. Воистину: нет маленьких ролей. И когда в антракте Аркадий Михайлович Песелев — директор театра, избираемый товарищами уже в одиннадцатый раз, — говорил мне, что общественная работа многое привлекает и в творчество, я видел материализацию этих привычных слов в небольшой роли, так блестяще сыгранной актером.

Анатолий Гречнев. 1. За то, что он поставлен обновляться. 2. Можно выходить по выставкам, почитать, на что, когда очень занят, и времени, и энергии обычно не хватает.

Леонид Каляевский. 1. За то, что я в нем работаю с людьми, с которыми связан всю жизнь, — с единомышленниками. Это и есть, наверное, актерское счастье. 2. Кино, телевидение, радио, концерты. И воспитание четырехлетней Натальи.

Георгий Мартынюк. 1. За все. 2. Паузы почти нет, но когда они все же случаются, — телевидение, концерты.

Аркадий Песелев. 1. За прогулку в нем жизнь. 2. Люблю слушать музыку — у меня большая фототека.

Валентин Смирнинский. 1. За то, что могу работать с режиссером, который меня, как говорится, вывел в люди: с Анатолием Васильевичем Эфросом. За то, что театр имеет свое лицо. За товарищей, с которыми работаю многие годы. 2. Работой в кино, на радио и телевидении. А вообще, люблю отдыхать в средней полосе России со своим восьмилетним Ваней.

...Спектакль окончен. И день погас. Зажглись фонари на московских улицах и свет в окнах домов на Малой Бронной. С Александром Леонидовичем Дунаевым мы сидим в его служебном кабинете главного режиссера театра — за весь напряженный день не нашлось лишней минуты, чтобы поговорить, а у меня остался еще один вопрос, без ответа на который уходить не хочется.

— В театре на Малой Бронной работают три совсем разных режиссера — Дунаев, Эфрос и Дворов. Поскольку ваш театр — не гастрольная площадка, у всех троих должно быть общая творческая платформа. В чем вы ее видите?

— Мне кажется, нас объединяет единое понимание глубины человеческого природного. Стремление передать на сцене сложность и уникальность человеческого взаимоотношений. А подчерк у каждого, естественно, свой...

К словам Дунаева хочется добавить, что театр на Малой Бронной — и в том немалая заслуга главного режиссера — не однажды предоставлял свою сцену для режиссерских дебютов. Ведь, помимо трех основных режиссеров, в театре ставили спектакли и артист Михаил Козлов, и артист Геннадий Сафалин, и режиссер Владимир Портынов. Сейчас работает над новым спектаклем артист Николай Волков. Просто не приходит на память другой такой же известный театральный коллектив, чья сцена отдавалась бы молодым режиссерам столь же щедро. Но, когда я говорю об этом, Дунаев вспоминает анекдот:

— Встречаются двое. «Какже у вас прекрасные трупы!» — замечает один. Другой отвечает: «Но никто не знает, как они жмут»...

Г. ЦИТРИНИК.
НА СНИМКЕ: главный режиссер театра А. Дунаев и артистка О. Остроумова на репетиции.

Фото автора.